

ISSN 0131-3507

ПРОСТО

Серик
Кирабаев

академик НАН Республики Казахстан

ПОЭТ НЕЗАВИСИМОГО ДУХА

Хорошие стихи не определяются темой. Тема у них всегда одна. Это – человек, жизнь человеческой души, дерзання человеческого духа, размышления о смысле бытия. В искренних лирических стихах поэт, прочувствовав и продумав все, предлагает человечеству то, что он извлек из уроков собственной жизни. Такими были требования к поэзии вчера, таковы они и сегодня. Однако иногда мы сами подстраиваемся под политику и слагаем публицистические стихи, чтобы говорить о времени, в котором живем. Настоящий художник понимает, что путь этот нежизнеспособен, и ищет новые способы выражения социально-острых мотивов.

Каким бы ни был поэт, он всегда зависит от своей эпохи. Но это не означает быть полностью подчиненным ей. Хорошие поэты, даже идя на компромисс со временем, не боялись высказывать честно свои мысли. Таких художников было немало во времена господства советской политики и идеологии. В первую очередь, это касается поколения, начавшего литературную деятельность в шестидесятые годы прошлого века.

Роль шестидесятников велика еще и в утверждении новых форм стихотворчества, его новых ритмов, метров, размеров. Во второй половине XX века они формировали по-новому современное казахское стихосложение.

Нурлан Оразалин – один из поэтов, плодотворно работающих в современной казахской поэзии. Начав свой творческий путь в конце 1960-х – начале 1970-х годов, он продолжает работу по трансформации казахской лирики, растет и его поэтическое мастерство. В произведениях поэта проявляется жизненная философия, порожденная драматическими коллизиями его собственной судьбы и судьбы народа, отражаются размышления художника о прошлом, настоящем и будущем. В них ощущается созвучие, гармония сердца и души поэта с душой народа. Стихи Н. Оразалина полны сокровенных тайн, его волнуют и тревожат мысли о жизни народа, в них он поднимается к правде мира. Не разделяя людей по расовым и этническим признакам, он воспевает понятные и близкие всем чувства. В его стихах ощутим высокий интеллект, умение рассмотреть-разглядеть жизненные события и ситуации и глубоко проанализировать их. Поэзию художника можно назвать философской. Это качество в полной мере присуще многим его стихам.

Нурлан Оразалин – деятельный, активный гражданин, всю жизнь он трудится на ответственных постах. Работая в разных коллективах, на разных должностях, он всегда общался с людьми, вникал в их нужды и потребности, обменивался с ними своими мыслями и суждениями.

Независимость страны он воспринял как событие, поднявшее дух нации, открывшее ей путь к благоденствию и указавшее дорогу в будущее. Он осознавал, что воплотить все это можно, лишь служа идеям национального самосознания, а поэт может делать это, возвышенно, вдохновенно воспевая свободолюбивый дух казахской нации. Следуя этой цели, он испытал и трудности, но, не утаивая ничего, искренне описывал то, что видел и чувствовал. Ярким тому свидетельством является все, чем поделился он с читателями в своей исповеди «Жүрекжарды» и в поэтических сборниках: «Беймаза көңіл» («Беспокойное сердце»), «Көктем көші» («Весеннее кочевье»), «Жетінші құрлық» («Седьмой континент»), «Құралайдың салқыны» («Прохлада куралая»), «Қоздағы шок» («Горящие угли») и в других. В стихах, вошедших в эти книги, он открывает своему народу выстраданные им мысли, терзавшие его душу печали, словно говоря: «Вот мое сокровенное...» В них – вся его натура, талант, данный природой, выпестованный жизнью.

Любому человеку требуется немало времени, чтобы найти связь с народом, понять его мысли, чаяния, мировосприятие. В сознании поэта эта связь пробуждается и формируется параллельно с происходящими в жизни событиями и переменами. Такое единение ощущается уже в самом начале творческого пути художника, в его ранних юношеских стихах.

Ранняя лирика Н. Оразалина отражает тонкое, до мелочей знание мира природы, которому лирический герой поверяет свои тайны. По-особенному красочны картины весны, переполняющей душу стихами и побуждающей к поискам красоты. Стремление к отражению лирических чувств, философских мотивов не вписывалось в привычные формы традиционного казахского стиха и вынуждало искать другие, более подходящие автору размеры, рифмы, стопы.

В созвучии с мыслями и чувствами, волнующими душу, раскрывает автор тайны «двадцатилетия, объятого печалью»:

Непризнанные Есенины... одержимые...
 По общежитию эхом отдаются их стихи.
 Мое двадцатилетие в объятиях тоски...
 Полночь...
 По улицам бредет.
 Идет в сопровождении дождей
 И сильных ветров,
 Идет с песнями и стихами,
 Идет под дождем...
 Идет мое двадцатилетье...

Поздние творения поэта показывают, что наполненная печалью, неистовой бурей и проливным дождем исповедь одержимого стихами поэта, исторгнутая им в двадцать лет, не мимолетна, а является экстатической искрой, испытываемой от прилива больших чувств. Поэт, глубоко проникнув в явления бытия, смог их обратить в сокровенные тайны души.

Одни в молодости устремляются в погоню за богатством, других волнует любовь, а молодой Нурлан Оразалин погружался в поэзию, изливая в стихах половодье весенних чувств, огонь своей души. «Огромный мир, вместились в сердце», волновал его.

В ранних стихах поэта убедительно и достоверно звучат строки, посвященные памяти учителя Туманбая Молдагалиева – Тумана, как он уважительно называет его:

Перед глазами горы застыли, сады,
Я мыслями убаюкивал ночь свою.
Стихи, сложенные Туманом,
Воспринимал, как голос родника.
Пылал, горел; мне нравились
Стихи о красавицах.
Любил ли кто-нибудь еще до беспамьятства?
Мы учились любить.

«Қыс жайлы өлең жаздым...» – «Я стихи написал о зиме...»

А вот так описывается беспокойная жизнь поэта:

Лунное небо лишило покоя меня.
Встряхнув Астану, смолкла мелодия.
Одно мое стихотворение...
Стало моей печалью, уютно устроилось
В сердце моем и сна лишило меня.

«Үнім менің алаңдарда...» – «На площадях мой голос...»

Художник обращается к образам природы, которые часто возникают в его лирике: «словно поэтами стали горы и камни», как будто обратились в танцовщиц березы и осины, хлещущий дождь звучит домброй, а млеющая от пара влажная улица напоминает деву, тоскующую по объятьям возлюбленного.

Поэтические образы и зарисовки поэта порождены жаждой свободы человеческой природы, не зависимой ни от кого и ни от чего, стремлением ощущать себя вольным. И сквозь тьму алматинской ночи, «объявшей душу, встряхнувшей сердце», смутно предстает в его воображении образ Вольности, о которой мечтает человек.

Настроение лирического героя переменчиво. В иные мгновения у него возникает страстное желание напрочь освободиться от разочарования и тоски, и тогда он устремляется на лоно природы, ищет в ней исцеление. Мастерство поэта, его умение изобразить глубокое душевное переживание не оставляет читателя равнодушным.

Прощайте, дни, прожитые в печали,
Чистое чувство, первая чистая мечта...
Стали стихами шумные мои сады,
Причесанные августовскими ночами...
В мираж обратились те дни,
Когда тосковал по скалистым горам.

«Қош бол, сен, мұң кешкен шақтарым...» – «Прощайте, дни...»

В этом стихотворении с особым мастерством описаны душевные переживания, вызванные прощанием с осенью, навевшей грустные мысли и заморозившей

поэта. Четко прослеживается приверженность молодого человека к вдумчивому восприятию окружающего мира и его познанию. Лирический герой чист, душевно чуток, отзывчив и верит в будущее.

В связи с этим вспоминается анализ одного из стихотворений М. Лермонтова, проведенный В. Белинским. Отвечая на вопрос: «Что такое поэзия?», критик отмечал, что он признает главным качеством лирического героя доброту, присущую молодости, не успевшей еще усвоить уроки бурлящей вокруг жизни, рожденную нереализованным стремлением к созиданию, и считает выраженное по этому поводу огорчение уместным. «Не все могут и не все должны понимать изящное; его понимают только немногие, избранные... И что ж, разве это не великое счастье – пробудить полет к высокому в иной дремлющей душе? Разве это не великое счастье – родить к себе сочувствие в сердце, ... которое от наших строк забьется в лад с нашим сердцем и, в общем человеческом интересе, сознает свое родство с нами по духу, в ознаменовании торжества духа над условиями пространства и времени!..» – писал великий критик. Такого рода поэзия присутствует и в произведениях Нурлана Оразалина.

Искренние чувства часто встречаются в стихах молодого поэта, находящегося в поисках самого себя.

На небе над Алатау много звезд,
Под луной я чувства ищу.
В низине ярко горит осенний огонь.
Я ищу тебя... Ищу себя...
«Өмір нұрлы...» – «Жизнь светла...»

Молодой поэт черпает вдохновение от природы и любви, и оно воплощается в его задумчиво-лирических зарисовках. Юношеские грезы о любви волнуют душу. И когда он встречает Ее, похожую на лань, сильно привязывается к ней, – отступают серость и унылость. Переживания героя вызваны трепетным чувством первой любви, его волнение не уймут ни день, ни ночь. Он ощущает себя объектом насмешек окружающих.

Я стихи писал...
Разыскивая тебя в ночи, баловница моя.
Сердце мое
Жжет тобой оставленный след.
Вселенная заговорила,
Любовью стали
Море,
Земля...
Я стихи писал... Я стихи писал...
Разыскивая тебя в ночи, баловница.
«Мен өлең жаздым...» – «Я стихи писал...»

Это исповедь сердца, осознание себя поэтом, голос сердца, обретенный в стихах. Истинный поэтический дар лечит душевные раны. Избрав красоту, прекрасное, Н. Оразалин сделал их лейтмотивом своих стихов.

Сердце пело...
Пело ночное синее небо,
От нашего аула, заплутав, плыла луна.
Сердце пело, звуки слагались в дастаны,
Как прекрасна яркая зелень
Этого райского уголка.
Сердце пело...
Пели горы Балкан,
Красавица София, радуя глаз, заворжила.
Шумно говорили скверы и сады,
В моем сердце
Став лесом, озером, возносясь холмами.
«Жырлады жсурек...» – «Сердце пело...»

Семидесятые годы – пора, когда поэтическое мастерство Нурлана Оразалина перешло на качественно новый уровень, юношеские страсти сменились зрелыми философскими размышлениями. Взгляд на окружающий мир становится шире, цельнее, диалектичнее, он обращен на социальные перемены. Автор стремится понять происходящие в мире процессы.

Этот мир
Уходит, исчезает из виду,
Что осталось неизменным на земле?!
Покрытые зеленым нарядом,
Сады исчезли,
Прошла пора страстной любви.
Ушли и поэты,
И нищие ушли из этого брэнного мира,
Ушли и батыры,
Чьи сабли полумесяцем сверкали,
Ушли и робкие,
Ушли и мерзавцы с мелкими душами.
Качая ивовую колыбель мира,
Годы... Годы...
Века в небытие откочевали.
«Аспан туралы жыр» – «Песнь о небе»

В мировом пространстве поэт считает неизменной субстанцией лишь небо. Ему он посвящает свои стихи, а рожденные небесным пространством образы развивает в своих стихах. Движущаяся в синеве луна и крылатая мысль, несущая мечты и надежды, плывут вместе на облачной лодке, составляя некую поэтическую параллель. А наступившая весна явлена в образе ливня, хлещущего по холмам и оврагам и заставляющего заговорить горы могучим гулом, в котором улавливается голос веков.

В это время зрелой становится и влюбленная душа поэта, а вместо мимолетно-ветреных юношеских чувств приходит истинная любовь. Его чувства и внутренний мир со всей искренностью, открытостью обращены теперь к той, которую он по-

любил по-настоящему. Все свои томления, тоску он адресует ей в своих посвящениях. Для подлинных чувств нет преград – их, срывая, уносит ноябрьский ветер, и вместо белых хлопьев снега капает дождь. В такие мгновения заворожившие поэта звуки то «от души смеясь, удаляются куда-то прочь», то вдруг «следом за морозящим дождем» зовут к себе, «стуча в окно ритмом стихов». От этого томления он ощущает себя так, словно обрел свое настоящее счастье.

Должно быть, счастье это –
 Когда ты тоскуешь по мне,
 Когда по тебе я тоскую.
 И в тот момент, когда обнимаю тебя,
 То кажется, что на грудь мне
 Садится белая птица,
 А мы парим на крыльях дивного чувства,
 Подобно Адаму и Еве.
«Бақыт деген...» – «Счастье – это...»

Стихи поэт берет из самой жизни. Он считает, что человек, не влюбленный в жизнь, не может слагать стихи, сказания и песни. Познание жизни он воспринимает как преодоление невзгод и испытание радостей. Познать жизнь – это мерзнуть в студеную зиму в снегу, целуясь с ветром; садиться на быстролетного скакуна и преодолевать горы и доли, штормовые моря; «идти вперед, наперекор страшной буре, восхищаться красотой, прожить, горя и пылая, в светлом мире». В сути этих понятий лежит сама жизнь и ответственность перед поэзией. Мысли, мечты, надежды всегда порождают в душе художника тревожный непокой.

Эта жизнь для поэзии – вечный бой.
 Идти наперекор снегу, урагану, стуже.

Люди с мыслями, отточенными, как клинок, и сладкой печалью,
 Под солнцем горели, любили, следовали друг за другом.

...Замучившись марасть бумагу,
 У луны и ночи,
 У земли и неба проси песню.

Перед поэтом, смотрящим на жизнь объективно, широко открытыми глазами, распаивается огромный мир. Смысл жизни в этом пространстве – стихи. Лишь бы было спокойствие и согласие... Он мечтает о поэтическом состязании вместо военного, чтобы вместо патронов были стихи, чтобы век был мирным. И завершает свою мысль такими строками: «Встряхни разум и сердце и проси стихов, которые сотрясли бы шесть континентов». Воскрешая в памяти картины родной природы, он преклоняет колени перед своей землей.

В зрелом творчестве Нурлана Оразалина особенно ощущается, как с дальнейшим познанием мира, с расширением его горизонтов все больше места в его лирике занимают философские медитации, тревоги и печали. У сакского кургана его лирический герой размышляет о великих преобразованиях, произошедших на

казахской земле («Размышления у подножья кургана»). Представляя минувшую эпоху, он воссоздает историю разрушения старинного города, бывшего на месте этого кургана. Перед его мысленным взором возникают картины смутного времени. Устами поэтов, воспевших сто веков прошедшей истории (стихотворение «Сто акынов»), он вызывает в своей памяти печаль-тоску, радости и восторги, пережитые в этой степи, думы и чаяния ушедших поколений о днях грядущих. Воспеваает силу духа народа, живущего на казахской земле и сохранившего память об историческом прошлом.

Далее – размышления о настоящем: мысленно почтительно прощаясь с прошлым, лирический герой призывает беречь сегодняшнюю трудную, но прекрасную жизнь.

Протягивая руки с улиц и площадей,
Одна надежда овладела сознанием, словно говорит:
«Прошу, сохрани эту красоту»,
С нежностью оглядывая весь этот бренный мир.

Восторгаюсь, люблюсь, преклоняюсь,
В сердце мое с далеких небес вливается голос.
Зеленый огонь, волнующее душу сомнение,
Не скрою, в мозг вонзает тысячу мыслей.

«Жасыл от» – «Зеленый огонь»

Лирический герой осознает ответственность за судьбы народа, мысли о его настоящем и будущем «тысячами пуль вонзаются в мозг», он размышляет о честности и предательстве, о мимолетности и бренности жизни.

Жизнь не только сладкие мечты и наслаждение,
Пройдут годы...
Отзвучит песня...
Развеются призраки.
И мы уйдем с ураганом судьбы,
Проходящая жизнь не напрасна.

«Өмір ылғи...» – «Жизнь не всегда...»

Пусть его самого однажды не станет, но останутся стихи. Смысл жизни – в художественном слове. Это мысли, рожденные «сознанием, сотрясенным строптивым веком», горячей кровью, текущей по венам и переполняющей душу энергией и решимостью. Поэт говорит: «Пусть только смерть не нависнет над словом моим». Он горит одним лишь стремлением, упорным желанием сделать бессмертным Слово и отобразить правдивый образ времени, свидетелем и участником которого он является. Слово поэта, «ожидаемое страной, людьми, долами и горами», – отблеск истории народа, ее летопись.

Нурлан Оразалин находит новые поэтические образы, когда описывает психологическое состояние лирического героя, находящегося в плену своих мыслей. Интересны образы-символы и сравнения, такие как «Теснятся мысли в груди, одна другую вдребегу разбивая», «В груди вздыхает тяжко Алатау, вздыхают тяжко степи

широкой звуки, голоса», «Иду не в силах победить себя самого, стих – тигр, мысль – словно лев», «Птицу мечты рано вспугнув в лесу, пресытись тем немногим, что сделано, огорчаюсь о прожитой поре и успокаиваюсь, думая о терпении-выдержке» и другие, порожденные свежим восприятием жизни, желанием создать новые, незатертые образы. И они, в свою очередь, не укладываясь в рамки традиционного одиннадцатисложного казахского стиха, требуют создания новых стихотворных форм, новой ритмики.

Мысли и сокровенные чувства поэта неразрывно связаны с жизнью народа. Он делит с ним и свои радости, и свои печали.

Об этом ярко свидетельствуют следующие строки:

Мы с тобой из страны под названьем Поэзия,
Мы из дождей,
Мы из печалей,
Мы из ветров...
Мы пришли из глубины веков.

В груди – зной, июль, май, август.
В наших стихах – скрытый огонь,
Будьте осторожны.
Всегда стоявшее за справедливость и мудрость,
Наше племя поднимет справедливость, как знамя.

«Біздер, қалқам...» – «Мы с тобой...»

Этими чувствами более всего насыщена авторская лирика 1990-х годов. Это был период, когда развалилась советская система, а казахское общество, входившее раньше в состав единого Союза, переживало тяжелый кризис. Бедность, нужда, дефицит во многом изменили психологию человека. Родные и близкие люди стали отчуждаться друг от друга, все больше заботясь о своем благополучии, готовые ради него пойти на крайность. Стал разрушаться мир, созданный ими, потерялась вера в будущее.

Одно из стихотворений этого периода называется «Время убегает»:

Боюсь...
И оттого сильнее опасуюсь.
(Тысячу раз загорался и вновь тысячу раз угасал.)
Народ мой, из века в век кочевавший,
Вскормленный грудью этой великой степи,
Думая о тебе, за тебя опасуюсь, опасуюсь.

Пугаюсь...
Пугаюсь и разъяряюсь,
Вида иногда унылые глаза.
Ночь – мираж, степь – мираж,
Все – мираж...
Как мы пришли к миражу? Удивляюсь.
Смотря на мираж, разъяряюсь.

Этот стихотворение отображает переживания о тяжком бремени невзгод, выпавших на долю каждого человека. В нем с горечью описывается, как сомнения переполняют душу, как возникает все больше вопросов, на которые трудно отыскать ответ во времена, когда деньги правят миром. В нем лирический герой с болью и печалью вспоминает «одеяло матери с сорока заплатами». Личная печаль поэта, перемешиваясь с горем народа, отвергает израненную душу героя в страшное уныние. Он с глубоким волнением и горечью оплакивает смерть своего брата.

В лирических стихотворениях «Ночь. Темнота», «Справедливые слова», «Перепонка мира, готовая лопнуть...», «Все – торговля», «Руки мои коротки...», «Нет справедливости» и других поэт достоверно описывает настроение и состояние эпохи, социальное неравенство, порожденные этим временем чувства. Посредством образных понятий: «ночь – мираж», «как ночь, темно состояние», «печаль, словно матерый волк с разверзнутой пастью» – художник создает образ времени – времени мрака. Времени, когда люди обманывают друг друга и незаметно обманываются сами, когда братья надувают друг друга, а близкие отчуждаются от родственников, забывают о долге перед отцом и матерью, девушки торгуют своими телами, а дети брошены на произвол судьбы. Все это тревожит и печалит душу поэта. Он пребывает в растерянности от того, что не знает, не понимает причин, повлекших все это.

Суть и смысл этих явлений Н. Оразалин видит в образе нищего из стихотворения «Попрошайка. Площадь. Медный грош...». Попрошайка, который держит на ладони медную монету, – старый фронтовик. Еще вчера он геройски верой и правдой защищал на фронтах Великой Отечественной войны свою страну, народ, оправдав возложенную на него надежду, а сегодня доведен до плачевного состояния, стал жертвой тотального обмана, царившего в переходный период. В холодных, застывших, пустых глазах ветерана отражается его нынешняя жизнь.

Перемены, происшедшие в людях, переданы через образы сороки, ставшей равной орлу; лисы, пришедшей с жалобой к зайцу; кобчика, обманом свалившего борзую; ненасытную алчность людей, которые, став богатыми, хотят стать богами.

Душа поэта тонка и чутка. Но художник не только скорбит и печалится, а думает о том, что его ждет впереди, думает о будущем. И, признавая, что в жизни много и печали, и радости, утверждает:

Не зря, душа моя, на этот свет мы появились,
Снежный январь, шумный июль, осень пройдут.
Мир светел, в заботах проживем
Мы скоротечную жизнь...
Пылая, сгорая – пройдем.

«Айдың астын мәңгілік бесік...» – «Подлунный мир буду считать...»

Вспоминая о жизни и деяниях таких великих личностей, как Александр Македонский, Чингисхан, Тамерлан, он приходит к выводу, что мимолетность, бренность земной жизни закономерна, начинает понимать, что такое личная Свобода. Даже ребенок, делающий свои первые шаги, ощущает свою независимость. «Я прошу у пери и у ангелов, пусть здравствует милая моя Свобода».

В поэзии Н. Оразалина 1990-х годов прочное место занимает стремление узнать правду новой эпохи, прервать завесу ночного мрака, жажда единения казахского

народа, расколотого на две части. В одном из стихотворений над вершинами Алатау, нарушая тишину, возникает Золотой человек, а союз шести племен – «Алты алаш» начинает именоваться казахским народом.

Критическое десятилетие девяностых годов художник воспринимает в образах убегающего века и последнего весеннего похолодания – дождливого периода, наступающего обычно в третьей декаде мая и носящего в казахском языке название «куралай». В них отображены тяготы пройденного пути, но лирический герой с большой надеждой смотрит в будущее: «За горами есть другие горы», «за степью есть другая степь», «за морем есть другое море», «после одного человека другой пребудет человек», «за одним континентом лежит другой континент», «за этим веком настанет век другой», – утверждает он и предвидит, что новая жизнь будет творить новую историю, и, пока существует Вселенная, прежний мир сменится новым.

Изменились слова...

Изменились мысли...

Изменился твой народ...

Мы почувствовали, что пришло время перемен.

Не осуждай за то, что было сказано.

Стихи передали то, что видели глаза.

Глаза видели, как изменился мир.

«Әлденеге дүние елеңдеді...» – «Мир насторожился...»

Поэт воспевает в своих стихах новый век – как зеркальную озерную гладь и величие, певучую радость нового времени. Лирический сюжет одного из стихотворений развивается следующим образом: обратив взгляд в прошлое, герой видит, как изменилась эпоха. Родной аул превратился в знакомого незнакомца. Старцы покинули этот мир. Он ищет отцов, прогнавших врагов и вернувшихся с запада, «матерей, обернувших свою любовь в жаулыки и взлелеявших его мечты». Преклоняет колени перед Абаем. Когда гармония мелодии кобызы была нарушена, когда дом покинули его обитатели, то душу пробудили слова Абая – великого учителя всей нации. Преклоняться перед Абаем означает познавать жизнь, благодарить за то, что она дана. Поэт утверждает: «Для того чтобы познать себя и других, я часто возвращаюсь к великому Абаю». Лирический герой поэта видит во сне реку, чайка бьет крылом по озерной глади, борется с ударами волн. Это хороший знак, он с верой смотрит вперед.

Светят, как прежде, надо мной мои луна и солнце,

За спиною горы, а сами мы внизу.

По своей ли воле – горюю, смеюсь?

Слабею? Или мучаю себя раздумьями?

По своей воле...

Всё, всё в моей воле.

И пламя мое, и мои дожди, и мой пожар.

В моей воле обманываться, гонясь за мечтой,

И зачаровываться, влюбляясь.

«Айым аман...» – «Светят, как и прежде, надо мной...»

В каком бы положении ни находился поэт, он всегда со своим народом. Об этом он говорит языком поэзии, языком своего стиха.

Если я печалюсь, то за степь свою печалюсь.
 Если я становлюсь крепче, то крепну для гор своих.
 Если радуюсь я, то радуюсь за всю Вселенную.
 Грудь моя – необъятное море, великая водная гладь.

«Жүрегімде уақыттың сызы...» – «Времени холод в сердце...»

Это кредо поэта. И эта же мысль прослеживается в следующих строках:

Мерно покачивая площадь, небо и землю, ночь,
 Вольные кюи ширятся, возносятся до небес.
 Когда я загорюсь,
 То ради народа моего горю,
 Да, мой Тенгри,
 Неугасим мой пожар!

Вольные кюи, исполняемые под небом Вечной страны, – это голос свободы.

Лирика позднего периода является продолжением мыслей и чувств, испытываемых Оразалиным-гражданином, уже достигшим зрелости, обретшим в поэзии смысл жизни, искренне желающим благоденствия и добра всем людям без исключения, усвоившим уроки прожитой жизни, ставшим мудрее. Это человек, осознавший мимолетность, скоротечность времени, обогатившийся пережитым опытом. Его чувства не без печали. Ведь само осознание бытия всегда сопровождается элегической печалью.

Я – человек... самый обычный человек,
 Для кого-то – опора, для кого-то – заноза.
 Душа моя – трясина вопросов,
 Жизнь моя – словно жар головешки.

«Сарын» – «Напев»

Этот «жар головешки» не погас, он согревает его душу, его не смогли погасить печаль и уныние, а жизнь независимого Казахстана разожгла из нее огонь.

Кто грусть-печаль мою понял?
 Неужто погасли тлеющие угольки?
 Кто потревожил осколки
 Разбитого сердца?
 Ветер пригнал дождь,
 Встряхнулись ли мои чувства?
 В глубине моих мыслей громко звучит
 Мое время, мой голос.

«Шайқады кім тұнықты?..» – «Кто замутил чистоту?..»

Поэт уверен, что, борясь с бурными волнами жизни, он пройдет вместе с народом еще немало трудных переprav.

Это Или?
 Или Иртыш?
 А может, Жайык?
 Во сне я видел неведомую водную гладь.
 Резко падая вниз, голубую волну бью крылом.
 Разве грех для поэта быть птицей?
«Ле ме?..» – «Это Или?..»

Под образом бьющей при взлете крылами по воде, не ведающей устали и сна птицы, которая взмывает в поднебесье, он понимает силу искусства. Так художник вносит в жизнь независимой страны и свой голос, свою лепту.

Он во всеуслышание объявляет о том, что на пути к долгожданной свободе он плечом к плечу стоит с героями, отдавшими в борьбе за это свои жизни:

Мужество,
 Миролюбие...
 Нас объединяет одно желание,
 Все мужчины – благородные отважные сыны.
 До сих пор небо моего Алаша
 Подпирают доблестно духи моих предков.
«Аруақтарым» – «Мои аруахи»

В стихах «Правда», «Да, мой Тенгри...», «Птицы прилетели», «Голос судьбы» и в других произведениях поэт призывает задуматься об уроках прошедшей жизни. Хотя старшее поколение знает о них не понаслышке, но для племени молодого облик незнакомого ему времени – это еще нераскрытая тайна.

Простор – беспределен, огромен, велик,
 Вереницей годы идут, оставляя след.
 Сотворенные ангелами,
 Грешными однажды мы умрем.

 Сокровища, богатства фараонов
 Разграблены, безвозвратно утрачены.
 Унося с собой мечты, печали,
 Многие народы бесследно исчезли...

Эти слова – одни из самых необходимых для нынешнего поколения. Это должны прочесть «новые казахи», которые, забыв о Боге, ради мимолетного, преходящего готовы предать друг друга, ради обогащения попать свою честь и совесть. Мысли эти оформлены не в абстрактно-агитационные призывы, а в емкие образные сравнения. Автор использует образ безвозвратно улетающей, словно ноябрьский гусь, счастливой поры, когда люди, рождаясь ангелами, умирают грешными.

Обратимся к стихотворению «Иной человек». Хорошо знакомый человек, которого он знал много лет, представляется ему совершенно другим. Вместе с поменявшейся жизнью изменился и он сам. Поэт видит на его лице следы, остав-

ленные временем, в глазах отражены грусть от неустойчивости судьбы, печаль о несбывшихся надеждах. В произведении создан образ ушедшего времени.

Художник утверждает:

Я увидел мир...
В голосе его не хватало одного звука.
Я увидел время,
Потерявшее свой облик.
Я увидел сокола,
Дремлющего без клобучка ,
Я увидел тулпара,
Споткнувшегося на аламан-байге.

В стихотворении «Мое время – строптивый скакун» поэт сравнивает жизнь с норовистым конем. Перед его мысленным взором предстает картина самой жизни, которая неуправляемо несется куда-то. «Белая грива с белым маревом сливаясь», «словно белым облаком проплывающим через вершины Алатау, молча ревя, не оглядываясь, убегает, уносится с глаз долой светлый мир» – во всем этом мы узнаем образ времени, эпохи.

И еще поэт утверждает, что «мир – лиса». А человек «обманут, удивлен... в голове беспокойно вертятся-крутятся мысли, обрываясь, снова они возникают, и вновь обманутый, горем объят».

Мир ограблен, загнан,
Небо, землю, степь
Напоив ядом,
Творят «рабы божьи» свои преступления,
Приучая своих отпрысков убивать.

По шестидесяти двум сосудам струится поток,
Словно не кровь течет, а вода,
Словно всю земли потомки Иблиса
Завоевывают... Боюсь!

Чувства-младенцы мои...
Мысли-младенцы в огне...
Мир как будто готовится к ранней смерти.
Пери, облик ангелов приняв,
К человеческому сознанию относятся с отвращением...

И это тоже картина современной жизни, чрезмерно усложнившейся эпохи, обывательщины, чуждой и противной природе здравомыслящего человека, существования низких по натуре людей. Об этом поэт говорит с горечью, со скорбью, завершая произведение мольбой к Создателю – Тенгри и призывом соблюдать спокойствие.

«Как бы сильно гнев меня ни душил, сначала я соглашусь с другом, призывающим к терпению», – уверяет поэт.

В недавнем прошлом мы твердо верили в то, что можем все изменить-переменить и, разрушив старое, построить новый мир. Новый век обнажил бессилие человека. Он стал набожным, зависимым от судьбы, просит у нее, что ни попадя. И даже дальнейшую судьбу своего языка он выпрашивает у Бога вместе с независимостью.

В этом контексте очень интересно стихотворение «Слово прадеда». В нем обрисована сила бесценных слов, оставленных предком, их всеобъемлющая значимость влияние на потомков. «Он ветром по степи распространяется», «с Алтая принесенное сокровище», «он с гор низвергается», «миражом кочует по холмам, бредет по покрытой пылью столбовой дороге», «издалека едва доносится его смысл», «сердца он часто будоражил», «потомкам передан, как сказанье», «амулет, сродни величием с гор Таниртау» – таким видится ему нынешнее состояние родного языка. Маршрут его неведом, кто знает, может быть, в космос улетит?!

Кому изолью свои тайны?
 Ради кого буду мучиться?
 Драгоценное слово, оставшееся от прадеда,
 Если ты уйдешь,
 Что я скажу завтра?
 Отчего мир стал так тесен?
 Отчего все во мне раскололось?
 Я прошу у нового века:
 Попытайся сохранить,
 Сохрани все, что есть у меня.
 Чувства испарив, превратив в сель,
 Терпение сокрушив, в пыль стерев.
 Прошу, слова моего прадеда
 Попытайся сохранить,
 Сохрани, Тенгри – время!

До какого плачевного состояния мы дошли! Если не можем бороться за мечту и цель, то в кого же мы тогда превратились? Как же это понимать, что мы, казахи, не можем сами решить свою судьбу и просим об этом Бога? Это не критика, это попытка понять наше состояние, не позволяющее пойти наперекор давлению времени.

Творчество Оразалина-поэта давно привлекло внимание сообщества литераторов. О нем писали Чингиз Айтматов, Туманбай Молдагалиев, Олжас Сулейменов, Фариза Онгарсынова, Рымгали Нурғалиев, Саин Муратбеков, Бахытжан Майтанов, Есенбай Дюйсенбайулы, Сайлаубек Жумабеков, Шомишбай Сариев, Бахыт Сарбалаев, Амангельды Кеншиликулы и другие. Все отмечают правдивость лирики художника, ее искренность, новаторство ее форм. Чингиз Айтматов весьма точно заметил, что в стихотворениях Нурлана Оразалина «за мыслями таятся ярость и гнев, за гневом улавливается пламя поэтического мастерства». Он написал в своем предисловии к книге «Прохлада куралая»: «Если поэт радуется, то радуется искренне, если он печалится, то печалится откровенно, волнения внутреннего мира его лирического героя, переходящие от одного стиха ко второму, выходят за рамки родного аула и его окрестностей, если хотите, даже за

границы нации и страны и поднимаются до высот общечеловеческих раздумий. Самое интересное, что, беседуя с небом, поверяя свои тайны земле, он пребывает в таком состоянии, как будто разговаривает с другом, откровенно беседует с самым близким родственником».

Нурлан Оразалин – певец человеческого духа. Ему импонирует чистота духа, его стойкость, он призывает всех стремиться достичь этого. Должен ли человек бороться за эту чистоту и стойкость? Ответ на этот вопрос в произведениях автора выражен не столь ясно. Он верит в то, что многое связано с верой, в то, что «все в руках Божьих», и убежден в том, что «время само все расчистит». Но если помнить о том, что прочное место в наше время заняли обстоятельства, превосходящие человеческую волю, и человек связан ими по рукам и ногам, то можно и согласиться с автором. Но мне больше нравятся люди-борцы. Смысл борьбы состоит не в том, чтобы устроить переворот, а в воле человека, в том, чтобы смело вмешиваться в мир, бороться за чистоту нравов, трудиться ради процветания общества. Все это необходимо делать в какое бы то ни было время.

Верю, что творческий путь Нурлана Оразалина еще долог, он идет не под гору, а в гору, у него богатый жизненный опыт, ему есть для кого писать, ему есть что сказать людям. Он находится в хорошей форме, отточено и мастерство. Пожелаем, чтобы встречи с поэтом происходили почаще. Давайте научимся беречь независимость человеческого духа.

Перевод с казахского Р. Токбергенова

«...А то, что поэзия есть таинство души, изящество, луч солнца и ливни, – все это поэт Нурлан Оразалин выразил осмысленно и содержательно по своей поэтической сути».

Габит МУСРЕПОВ, 1984 год

«Я, как старейшина советской и постсоветской литературы, выдавший на своем веку достаточно разных людей, восхищен порядочностью, человечностью, деловитостью и скромностью моего молодого друга, коллеги Нурлана Мыркасымовича и уверен, что он и своим литературным талантом, и беспокойным добрым сердцем, и организаторской способностью принесет много-много пользы для духовного единства народов наших стран...»

Сергей МИХАЛКОВ, 2004 год

«Если поэт радуется, то радуется искренне, если он печалится, то печалится откровенно, волнения внутреннего мира его лирического героя, переходящие от одного стиха к другому, выходят за рамки родного аула и его окрестностей, если хотите, даже за пределы национального и народного, и поднимаются до высот общечеловеческого звучания. Самое интересное, что, беседуя с небом, поверяя свои тайны земле, он пребывает в таком состоянии, как будто разговаривает с другом, откровенно беседует с самым близким, родным человеком».

Чингиз АЙТМАТОВ, 1997 год

«Творчество его, на мой взгляд, умело сочетает в себе прекрасные национальные поэтические традиции с высокими поэтическими школами Запада и Востока. И эта перекличка пронизывает многие переводы его произведений, когда яркие образы, покрытые оболочкой слов, вызывают как бы ответное вдохновение переводчика... Зов времени и зов предков – художественные атрибуты, принимающие постоянное участие в поэтическом мире Нурлана. Благодаря этому поэтический пафос, мировосприятие поэта поднимается на уровень планетарного прочтения земной действительности».

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ, 2007 год

«Я воспринимаю поэта Нурлана Оразалина как одного из немногих поэтов в казахской поэзии, которые смотрят на современную действительность без гнева и негодования... Гнев – враг разума. Вникая в суть бытия и всего происходящего, он смотрит на жизнь с высоты нравственности и здравого смысла».

Фарида ОНГАРСЫНОВА, 1988 год

«Считаю, что всеми главными успехами по пропаганде единства культур и плодотворному взаимодействию литераторов стран Содружества мы в немалой степени обязаны руководству Союза писателей Казахстана и его председателю, поэту и драматургу Нурлану Оразалину. После ухода с поста Первого Секретаря-координатора Международного Сообщества Писательских Союзов Тимура Пулатова этот ответственный пост Сергей Михалков предлагал именно Нурлану Оразалину, но руководитель Союза писателей Казахстана предпочел все свои усилия сосредоточить на проблемах и перспективах родного Союза писателей. Его деятельность на этом посту исключительно конструктивна и значима: Союзу писателей Казахстана удалось в сложных перипетиях реформенного времени сохранить свою целостность, избежать разрушительных явлений и с честью выйти из испытаний».

Феликс КУЗНЕЦОВ, 2006 год

«Опять тянусь душой к великому Абаю» – эта строка Н. Оразалина перекликается со стихотворением «Памяти Мукагали». Однако есть еще и достойная преемственность мастерства и философских размышлений с традициями Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Мустая Карима, Давида Кугультинова... В жестокую эпоху глобализации, когда рушатся общечеловеческие устои и традиции, необходимо вновь и вновь возводить мосты нашего поэтического духа».

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ, 2017 год

